

Южнорусский колорит в поэзии И.А. Бунина

Морозова Юлия Григорьевна¹

¹Российский университет медицины (МГМСУ им. А.И. Евдокимова), Москва, Россия

¹Email: ygmorozova@yandex.ru

АННОТАЦИЯ

В статье на материале стихотворений И.А. Бунина 1900-х годов («Христя», «Из окна», «Пугало», «Пустошь» и др.) исследуется специфика языка поэзии, определяется колорит южнорусского говора. Подчеркивается обоснованность научного комментария бунинских стихов в единстве лексической, литературоведческой, исторической и биографической составляющей.

Ключевые слова: Бунин, поэзия, русский язык, южнорусский колорит, славянский мир

The South Russian Colours in the Poetry of Ivan Bunin

Morozova Yuliya Grigorevna¹

¹Russian University of Medicine (FSBEI HE A.I. Evdokimov MSMSU MOH), Moscow, Russia

¹Email: ygmorozova@yandex.ru

ABSTRACT

Based on the material of I.A. Bunin's poems of the 1900s ("Hristya", "From the Window", "Scarecrow", "Wasteland", etc.), the article examines the specifics of the language of poetry, determines the flavor of the South Russian dialect. The validity of the scientific commentary of Bunin's poems in the unity of lexical, literary, historical and biographical components is emphasized.

Keywords: Bunin, poetry, Russian language, South Russian flavor, Slavic world

С 1900-х гг. в поэзии Бунина важное место отводится славянскому фольклору и славянским образам. пейзажных зарисовках, в лицах людей и в их речи запечатлена история славянского мира. Лейтмотивом через все бунинские произведения южнорусской тематики проходит мысль о том, что «в южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были» (как писал Бунин в рассказе «Святые горы» [1, с. 60]). «Ты, древний корень Руси, где сердечней чувство и нежней славянская природа!» [2, с. 261]. Поэта волнует образ «Руси изначальной». Древние легенды, предания, следы прошлого питают бунинские стихи, повествующие о первоосновах русской

ментальности. Также поэт считал важным выявить все возможные культурные влияния и заимствования.

Очень проникновенно звучат древнерусские слова в бунинских текстах: «Скажи поклоны князю и княгине» и «дивуешься» (из стихотворения «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...», <1916-1918> [3, с.255]), «яровит я пуще козла лаврского» (из повести «Суходол» [4, с. 174]), «кто же ее такую-то опричь вдовца возьмет?» (рассказ «Божье дерево» [5, с. 466]); А стихотворения «Святой Прокопий» и «Святой Евстафий», являющиеся по сути переложением жития святых, стилизованы в жанре духовных песнопений на

древнеславянском языке. И поэме «Листопад», за которую Бунину присудили пушкинскую премию, дано древнерусское наименование месяца. Листопад – 11 месяц года во многих славянских языках (в хорватском и македонском – 10-й месяц). На украинском языке – август – серпень, сентябрь – вересень, октябрь – жовтень, ноябрь – листопад.

Край, где Бунин родился и вырос, тесно соприкасается с землей Украины. В силу исторических условий в нем сложилась специфическая языковая ситуация. Русский язык Орловской и Воронежской губерний находился в постоянном контакте с украинским и вследствие этого испытывал влияние последнего.

Бунин настолько проникся музыкой украинской речи, что даже в язык автора-рассказчика включал диалектизмы и историзмы: «пыль на шляхе», «мазанки на леваде», «панычи», «гукали», «скиглили рибалки», «над очеретом», «ветряки» и др. В этом смысле большая работа по изучению языка бунинских произведений проделана елецкой школой под руководством И.М. Курносовой [6]. В «Словарь народного языка произведений И.А. Бунина» вошли диалектизмы, просторечные формы, малоупотребительные общерусские слова (устаревшие и специальные), характеризующие русский быт. К сожалению, за пределами словаря остались топонимы, антропонимы и имена собственные, которые были распространены в южной части России.

Южнорусский колорит в прозе и поэзии Бунина усиливают такие звучащие в них специфические украинские имена, как Горпина, Юхим, Одарка, Зинька, Христя.

Вот, например, стихотворение «Христя» (1908):

Собрались соседки к «старой бабе» Христе,

Пропивают дочку – чай и водку пьют.

Дочка – в разноцветной *плахте* и в *монисте*,

Все ее жалеют – и поют, поют! [3, С. 67].

Образ свахи Христи, облик невесты в малороссийской одежде (в «разноцветной плахте и монисте») дополнены точными, емкими деталями повседневного быта: вот и

тыквы на сухих бахчах, и темные клуны с украинскими хатами – и читатель живо представляет себе ту Малороссию, в которой много раз бывал и сам писатель. А «пропивание невесты» – это то, что соответствовало укладу жизни, культуре южнорусской семьи. Без «пропивания невесты» не обходилась ни одна свадьба в Малороссии. Это было частью свадебного обряда, совершаемого после сговора свахи.

В бунинских стихотворениях 1900-х годов в изобилии встречаются диалектизмы и историзмы, просторечные и разговорные слова, которые требуют сегодня подробного комментария. К сожалению, современный читатель уже вряд ли знает значение таких слов, как: «онучи», «варок», «потник», «подвои», «сошник», «старновка», «дреколье» и т.д., но еще в дореволюционной России ни один житель деревни не представлял себе жизни без подобных вещей. Эти вещи и предметы быта являлись неотъемлемой частью повседневной культуры.

Однако, как правильно замечал И.А. Осовецкий, анализируя язык произведений великого художника слова, И.А. Бунин – один из таких русских писателей, которые не «имитируют народный стиль, а воспроизводят подлинный народный язык, причем иногда с такой этнографической точностью, что можно территориально локализовать речь персонажей, а иногда и речь самого автора» [7, С. 98.]

Как сам писал Бунин, в детстве он слышал много рассказов, частушек и песен от слуг и родителей. Дворовым и матери «я обязан и первыми познаниями в языке, – нашем богатейшем языке, в котором, благодаря географическим и историческим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров чуть не со всех концов Руси» [8, С. 256.].

Творчество Ивана Алексеевича Бунина тесными узами связано с его родными местами. Каменка, Бутырки, Озёрки - Становлянского района, Глоково (Васильевское) и созерцаемые писателем пейзажи глотовской округи – Колонтаевки, Крестов (перекрёстка старинных просёлков), Острова (леса возле села Глотова), Скородного, Знаменского, села Предтечево и Измалково, вся многоликая жизнь Черноземья,

местная фольклорно-речевая стихия – всё это фиксировалось в бунинских дневниковых записях, чтобы затем перейти на страницы художественных произведений или остаться незаконченными отрывками, «спонтанными миниатюрами». Вот, например, как описывает Иван Алексеевич свое родовое поместье в Глотово (из стихотворения «Из окна», 1906):

Ветви кедра – вышивки зеленым
Темным плюшем, свежим и густым,
А за плюшем кедра, за балконом –
Сад прозрачный, легкий, точно дым. [3, с. 16]

Реалистически точное, яркое описание вида сада из окна находим и в дневниках писателя (от 14 мая 1911 года), и в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной о «раскидистом клене», под которым устраивали деревянные постели-ложи [3, С. 350-351]. Из дневников пейзажные зарисовки попадали в поэтические тетради, на страницы стихотворений или же становились материалом для философских размышлений. Как, например, в стихотворении «Проснусь, проснусь – за окнами, в саду...» (1906), «Дядька» (1906) или «Дворецкий» (1907), где в тишине повседневной жизни угадывается зов вечности или же печаль по прошлому, по ушедшей молодости, а в цветных окнах отражается иная, по ту сторону реальность.

Или стихотворение «Пахарь» (1906), где в образе вспахивающего землю русского мужика угадывается образ и самого писателя, размышляющего о судьбе малой Родины, Отчего Дома, на кровле которого «струится первый зной». Стихотворение, в котором уже есть предчувствие исторических перемен:

По борозде спеша за *сошниками*,
Я оставляю мягкие следы –
Так хорошо разутыми ногами
Ступать на бархат теплой борозды! [3, с. 16].

Читая строки о «лилово-синем море чернозема», о пластах земли, как «бесценном Божьем даре» и «бархате теплой борозды» хочется воскликнуть: «Господи! Какое счастье, что я – русский!» или, перефразируя А.В. Суворова, «Мы русские - какой восторг!» [9].

А вот, не лишнее также южнорусского колорита, стихотворение «Пугало» (1906):

На *задворках*, за *ригами*

Богатых мужиков,
Стоит оно, родимое,
Одиннадцать веков...

Старновкой – чистым золотом! –

Набит его *чекмень*,
На зависть на великую
Соседних деревень... [3, с. 20].

Современные читатели вряд ли знают, что такое эти «задворки», «риги», «старновки» и «чекмени», и без толкового словаря смысл стихотворения кажется «туманным» или вовсе неясным. Так, задворки – «место за дворами, позади изб» [6, с. 120], риги (мн. ч.) от (ед. ч.) «рига», или «рыга» – «крытое помещение на гумне (см.) для обмолота колосьев» [6, с. 316-317], старновка – «немтая солома, полученная при обмолоте особым способом (обмолачиваются цепом только колосья)...» [6, с. 353], чекмень – «верхняя одежда из черного или коричневого домашнего сукна, часто со сборками или клиньями от талии» [6, с. 398-399]. Но даже зная смысл этих слов, многие современники Бунина так и не поняли, о чем это стихотворение. В частности, А. Блок посчитал, что «Пугало» – «скучная и <...> бессодержательная “некрасовщина”» [цит. по: 3, с. 353]. К «непонятым» отнес его и К.Р.

Наряду с «Пахарем» и «Дядькой», «Пугало» входило в состав цикла «Цветные стекла». В этом цикле поэт, используя метафоры и аллегории, воссоздает яркие, живые картинки народной жизни, мозаичные и «панорамные» стекла русской истории: от возникновения Киевской Руси («Руси изначальной») к началу XX века. Через образы повседневности, предметы быта, описание декоративно-прикладного искусства и культурных артефактов Бунин приобщает читателя к русской теме; писателя волнует прошлое, настоящее и будущее России. Бунин размышляет о вечности и безвременьи; передает, с одной стороны, величие Творца и лики святости, а, с другой стороны, показывает, как

сильны в русском народе суеверия и страх перед непостижимыми силами природы.

Стихотворение «Пугало» можно назвать в какой-то степени сатирическим; это своеобразная сатира на русского мужика, на те отрицательные черты национального русского характера, которые в истории отмечены «веками безвременья» и смуты. Стихотворение впервые было опубликовано в «Знании» (1907 год, кн. 15) и открывалось эпиграфом: «Страх-батюшка. Пословица». Впоследствии эпиграф был снят писателем. Что означает эта пословица в контексте всего стихотворения? Есть еще такая (похожая по смыслу) пословица, записанная В. Далем: «С твоим умом только в горохе сидеть» (то есть пугалом) [10]. К сожалению, в русском народе Бунин подмечал эту национальную особенность – раболепие и страх перед тем, что непонятно, чуждо, неподвластно простому объяснению. «Страх-батюшка» да «лень-матушка», одолевавшие русского мужика на протяжении 11 столетий, в конечном счете привели страну к революции 1917 года, к потере империи и утрате веры. Как писал Бунин в «Окаянных днях»: «Какая это старая русская болезнь, это томление, эта скука, эта разбалованность — вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает: стоит только выйти на крылечко и перекинуть с руки на руку колечко» [11, с. 104]. И далее: «Народ сам сказал про себя: *«Из нас, как из древа, — и дубина, и икона»*, — в зависимости от обстоятельств, от того, кто это древо обрабатывает: Сергей Радонежский или Емелька Пугачев.» [11, с. 102]. Между тем, в соответствии с учением православной церкви, «страх перед чем-либо, кроме Бога, есть признак и условие внутренней несвободы и несовершенства» [цит. по: 12].

Вот и в стихотворении Бунина читаем:

Под шапку лохматою —

Дубинка-голова.

Крестом по ветру треплются

Пустые рукава. [3, с. 20].

Слова «дубинка» и «пустой» являются определяющими в строфе: дубовый пень, дубовая колода, дубинка как синонимы слова «дурак», а «пустые рукава» в значении «ничего

не имеющий», «вера, не подкреплённая делами». Верно подмеченное Буниным свойство Ивана-дурака из русской сказки положиться «на авось» часто доводило героя до страшной беды. А «страх-батюшка» и «лень-матушка» усугубляли только ситуацию. Вот и в русской истории не раз случалось, что народ «просыпал» беду: терял земли в период междоусобиц, «тянул» татаро-монгольское иго, был «обкрадован» литовцами и шведами, мог не единожды лишиться не только православной веры, но и российской государственности. «Да разве огород такое уж сокровище?» — подобный вопрос, риторический по своей сути, сопоставим разве что со строками из поэмы А.С. Пушкина «Борис Годунов»: «Народ безмолвствует». И если за молчанием народа в XVII столетии скрывается глубокое потрясение Ивана-дурака и реакция народной волны еще непредсказуема, то за вопросом Ивана не помнящего, которого олицетворяет у Бунина русский мужик в XX столетии, стоит молчаливое пособничество народа тем разрушительным силам, которые впоследствии привели к революции 1917 года и Гражданской войне.

Позже Бунин напишет стихотворение «Пустошь» (1907), в котором чувствуется скорбь по погибшим, по обескровленному войнами русскому народу: «Мир вам, в земле почившие! - За садом// Погост рабов, погост дворовых наших...» [3, с. 52]. Мрачная картина лишенной жизни деревни; земли, из которой достают то «пористые кости», то «черные иконки»; могилы, где нет ни крестов, ни деревьев, вид «изъеденных временем каменных плит», память о простых людях, живших в страхе и безвестности почивших, их «рабской покорности», воспоминание свидетелей «зверств, расстрелов, пыток, казней» и неугомонный бабий плач — все это сливается в панораме русской истории, которую позже писатель представит в своих знаковых произведениях «Деревня» и «Суходол». Ю.И. Айхенвальд отмечал, что «с Русью он <Бунин> связан роковой связью. То, чем она виновата, виноват и он; то, чем деревня дурна, присуще и ему самому.» [цит. по: 3, с. 378]. Вот потому и в стихотворении «Пустошь» есть такие строки: «Я, чье чело отмечено навеки// Клеймом раба, невольника, холопа,/ Я говорю

почившим: Спите! Спите! // Не вы одни страдали...» [3, с. 52].

Между тем цикл стихотворений «Цветные стекла» требует глубокого научного комментария как с лексической и литературоведческой точки зрения, так и в свете понимания историсофских взглядов писателя, что, с нашей точки зрения, должно стать предметом отдельного фундаментального исследования.

В 1933 году И.С. Шмелёв, выступая на чествовании И.А. Бунина по случаю присуждения ему Нобелевской премии, сказал: «Наша великая литература, рожденная народом русским, породила нашего славного писателя, ныне нами приветствуемого, – И.А. Бунину. Он вышел из русских недр, он кровно, духовно связан с родимой землёй и родимым небом, с природой русской, – с просторами, с полями, далями, с русским солнцем и вольным ветром, со снегом и бездорожьем, с курными избами и барскими усадьбами, с сухими и звонкими проселками, с солнечными дождями, с бурями, с яблочными садами, с ригами, с грозами... – со всей красотой и богатством родной земли. Всё это – в нём, всё это впитано им, остро и крепко взято и влито в творчество – чудеснейшим инструментом, точным и мерным словом, – родной речью. Это слово вяжет его с духовными недрами народа, с родной литературой: «Умейте же беречь...». Бунин сумел сберечь – и запечатлеть, нетленно. Вот кто подлинно собиратели России, её нетленного: наши писатели и между ними – Бунин, признанный и в чужих пределах, за дар чудесный.

Через нашу литературу, рождённую Россией, через Россией рождённого Бунина признается миром сама Россия, запечатлённая в письменах» [13]. С этой речью И.С. Шмелева нельзя не согласиться, когда читаешь бунинскую поэзию.

Поэтические строчки о Малороссии, стихи фольклорной тематики и песни, воссоздающие славянские образы, колоритны, преимущественно овеяны светом и теплом. Как, например, «Христя», «За окном», «Пахарь» и др. Красота быта, южнорусской усадьбы, восторг перед песенной лирикой славян, чуткое восприятие особенностей национального бытия, милые и трогательные краски и черточки

будничной жизни Черноземья — все это нашло отражение в проникновенных текстах И.А. Бунина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- [1] Бунин И.А. Святые горы // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1994. Т. 2. 558 с.
- [2] Бунин И.А. Жизнь Арсеньева // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1996. Т.5. 592 с.
- [3] Бунин И.А. Стихотворения: В 2 т. Т.2/ Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Т.М. Двинятиной. СПб.: Издательство Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. 544 с.
- [4] Бунин И.А. Суходол // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1994. Т. 3. 560 с.
- [5] Бунин И.А. Божье древо // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 1996. Т.5. 592 с.
- [6] Курносова И.М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина: Изд. 2-е, перераб. и доп. Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2012. 420 с.
- [7] Осовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 198 с.
- [8] Бунин И.А. Автобиографическая заметка // Бунин И.А. Собр.соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1967. Т. 9. 624 с.
- [9] Холмогоров Е.С. Счастье быть русским // Русская народная линия. Православие. Самодержавие. Народность : [сайт]. М., 2017 - . URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2005/12/26/cchast_e_byt_russkim/ (дата обращения: 26.06.2025).
- [10] Даль В.И. Пословицы русского народа // Академик: [сайт]. М., 2000-2025. URL:

https://dic.academic.ru/contents.nsf/dahl_proverbs/ (дата обращения: 26.06.2025).

- [11] Бунин И.А. Окаянные дни // Бунин И.А. Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текста и коммент. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 2000. Т. 8. 576 с.
- [12] Максимов Ю. Христианское отношение к страху по учению святых отцов // Православное поволжье: [сайт]. Саратов, 2022. - . URL: https://eparhia-saratov.ru/Articles/article_old_5138.
- [13] Высказывания известных деятелей о И.А. Бунине // Литературная карта Воронежской области: [сайт]. Воронеж. URL: <https://lk.vrnlib.ru/?p=post&id=105>.